

НОВЫЙ Журнал

№ 245

НЬЮ-Йорк

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942
С 1946 по 1959 редактор М. Карпович
С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев
С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль
С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)
Г. Андреев, Л. Ржевский
1978 – 1981 редактор Роман Гуль
1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Е. Магеровский
1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Ю. Кашкар, Е. Магеровский
1986 – 1990 Редакционная коллегия
1990 – 1994 редактор Юрий Кашкар
1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Шестьдесят пятый год издания

Кн. 245

НЬЮ-ЙОРК

2006

ющего человека-грешника. Спасаящая сила искупления всегда действительна, доступна и близка даже и для противящихся ей. В ней – воскресение и суд, победа Богочеловека. Она – явленная в Чаше Тайной вечери, Гефсимании, Креста и всей жизни Господа на небеси и на земли – Истина человека и Бога.

Любимым писателем митрополита Антония был Ф. М. Достоевский. О нем митрополит много писал, говорил и проповедовал. Целый пласт трудов владыки Антония был посвящен осмыслению трудов великого русского писателя. Анализу мыслей митрополита Антония о Достоевском посвятил свой доклад епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил. В творениях Достоевского митрополит Антоний видел прежде всего проповедь христианских жизненных начал, возрождения и преображения личности на Евангельских началах. Славянофильские взгляды Достоевского полностью разделялись митрополитом Антонием. Когда он писал о Достоевском, он открывал нам свое собственное сердце и всю полноту своей богатой мысли; пастырь, богослов, педагог, мыслитель, философ, психолог, писатель, он предлагал нам ключ к творениям гениального Феодора Михайловича Достоевского.

Таковы были основные темы, рассмотренные участниками конференции. В заключении с участниками и гостями конференции своими воспоминаниями о владыке Антонии поделился протоиерей Феодор Шевцов. Еще будучи мальчиком о. Феодор жил с родителями в Сремских Карловцах и прислуживал митрополиту Антонию в алтаре. Воспоминания об этом о. Феодор сохранил на всю жизнь.

Организатор научных конференций при Свято-Троицкой семинарии диакон Владимир Цуриков отметил, что особое внимание заслуживает первый совместный проект Свято-Троицкой Духовной семинарии с ГА РФ – к конференции была приурочена выставка под названием «Митрополит Антоний (Храповицкий) – архипастырь русского рассеяния». На ней был представлен ряд уникальных экспонатов, среди которых митра и панагии владыки Антония, принадлежавшие ему редкие книги, прижизненные издания сочинений, оригиналы писем и указов, обширная коллекция фотографий. Экспозиция выставки была развернута в актовом зале Свято-Троицкой духовной семинарии и явилась ярким дополнением к научным докладам и выступлениям.

Без преувеличения можно сказать, что состоявшаяся 4-ая богословская конференция стала заметным событием в жизни всей Русской Православной Церкви.

Джорданвилль

Михаил Ковалев

Русская эмиграция во Франции в годы войны

Эмиграция вписала славную страницу в историю антифашистского движения народов Европы. Но о русских участниках французского Сопротивления до сих пор известно очень немного. За редким исключением, сведения о них обрывочны. В партизанских отрядах и подпольных организациях опасно было вести документацию, и неудивительно, что архивы практически не донесли до нас информации о русских героях Сопротивления. Главными источниками остаются воспоминания непосредственных участников и очевидцев событий.

Еще меньше известно о тех эмигрантах, которые в годы войны согласились на сотрудничество с нацистами. Во Франции изучение коллаборационизма долгое время не поощрялось, особенно в период правления Шарля де Голля; в СССР же подобные темы вообще были запретными. Мировая историография длительное время сторонилась этих сюжетов либо рассматривала их односторонне, в угоду той или иной политической тенденции.

После нападения Гитлера на Польшу во Франции была объявлена всеобщая мобилизация. Но для многих россиян сентябрь начался с трагического недоразумения: власти некоторых французских префектур стали арестовывать наиболее подозрительных, по их мнению, эмигрантов, особенно разделявших идеи социализма. Аресты проходили в течение сентября – начала октября по всей территории Франции. Арест русских эмигрантов власти объясняли тем, что по пакту Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. СССР формально был связан с Германией союзническими отношениями, при этом французская администрация не делала различия между приверженцами советской власти и теми, кто находился в оппозиции к ней. Всякий россиянин, независимо от его политических убеждений, мог вызывать подозрение. Правда, продержав задержанных эмигрантов пару суток, власти, как правило, отпускали их. Наиболее значительными были

аресты в Париже. В провинции печальную известность приобрел дисциплинарный лагерь в Верне, недалеко от Тулузы, где в заключении оказались многие эмигранты, жившие на юго-востоке Франции.

По закону от 31 марта 1928 г. лица без гражданства в возрасте до 30 лет, не служившие у себя на родине, подлежали призыву во французскую армию. Это коснулось и русских. Среди них было немало тех, кто пошел воевать добровольно, разделив с французами все тяготы войны. По сведениям О. М. Орловой, около 4 тыс. русских вступило во французскую армию.¹ Среди добровольцев оказалось немало известных русских парижан: поэты Г. Адамович и Н. Оцуп, историк А. Керсновский и др. В 1939 г. в ряды французской армии вступил писатель В. С. Варшавский, впоследствии широко известный как автор книги «Незамеченное поколение» (1956 г.), шестая глава которой посвящена Второй мировой войне. Здесь впервые обобщались данные о русских участниках французского Сопротивления – «пантеоне самых доблестных и светлых русских героев», – впервые ставился вопрос о той роли, которую сыграли они в общей победе: «Мелькают слова: убит, скончался от ран, расстрелян немцами, добит штыками, посмертно награжден Военной медалью, Военным крестом с пальмами, доброволец, партизан, волонтер, перешел к де Голлю, погиб в Резистансе, убит в рядах войск Свободной Франции»². В главе были приведены списки погибших в Сопротивлении молодых эмигрантов и рассказы о подвигах наиболее известных героев.

Уже в период 1939–1940 гг. немало эмигрантов, служивших во французской армии, героически проявили себя в сражениях. Так, командир взвода лейтенант К. К. Боровский в начале июня 1940 г. мужественно руководил обороной в районе Сент-Менегульда. Он отказался покинуть позиции вместе с отступавшими частями и до последнего момента в одиночку сдерживал пулеметным огнем атаки немцев, пока не был сражен вражеской пулей.

Французское командование поначалу надеялось на цепь приграничных укреплений. М. В. Вишняк писал по этому поводу: «Уверенность в неодолимую мощь линии Мажино заворожала правительственные круги и общественные, вызывая инерцию и апатию».³ Но «странная война» (*«drole de guerre»*) рано или поздно должна была смениться войной настоящей. 10 мая 1940 г. немецкие войска пересекли границы Голландии, Бельгии и Люксембурга, и уже 13 мая броском через Арденны вражеские танки достигли французской территории. К концу месяца войска Гудериана вышли к Па-де-Кале. Военная ката-

строфа у Дюнкерка окончательно похоронила надежду остановить немцев: французская армия стремительно отступала, не будучи способной сопротивляться. 8 июня пал Руан. На следующий день армия Рунштедта прорвала французский фронт на реке Эн. 11 июня немцы вышли к городу Шалон-сюр-Марн. Париж был обречен.

14 июня 1940 г. нацисты вошли во французскую столицу. Журналист Л. Д. Любимов вспоминал: «Мерными колоннами двигались немецкие части по Парижу. Вытянувшись в струнку, солдаты сидели рядами на грузовиках. Огромные танки громыхали по Елисейским полям, по всем проспектам и улицам, выплывали отовсюду, ныряя хоботом и снова грузно выпрямляясь. Словно какие-то мастодонты вторглись в столицу Франции и наполнили ее своим шумом и тяжестью».⁴

Из Парижа еще накануне его падения начался массовый выезд жителей. Русским эмигрантам, как, впрочем, и другим иностранцам, требовалось сначала получить для этого специальный пропуск. Дороги на юг были забиты: «По правой стороне дороги потянулась бесконечная вереница грязных машин, тяжелых повозок, запряженных исполинскими голландскими першеронами, грузовиков, набитых чумазыми от пыли, изможденными людьми; и пешком – десятки, сотни людей, колясок, повозок с инвалидами, семьи с детьми на плечах...»⁵

Захват Франции нацистами ставил под угрозу жизни многих, в том числе и среди представителей российской эмиграции. Выезд в большинстве случаев осуществлялся морским путем через Марсель или Ниццу, однако он часто был затруднен бюрократическими преградами. (Принимая во внимание обстоятельства военного времени, США согласились несколько смягчить правила въезда в страну.) Многим эмигрантам неоценимую помощь оказал А. Ф. Керенский. Со списком лиц, желающих получить выездную визу, в июне 1940 г. он обратился к министру внутренних дел Ж. Манделю. Просьба бывшего главы Временного правительства была удовлетворена.⁶

В начале июня прекратился выход газеты «Возрождение», а в день, когда немецкие войска вступили в Париж, в свет вышел последний номер милюковских «Последних новостей». Редакция не теряла надежды в ближайшее время продолжить издание газеты где-нибудь во французской провинции, но эти попытки не увенчались успехом. П. Н. Милюков категорически отказывался покинуть Францию. Он переселился из Парижа в Виши, потом в Монпелье, а затем – в Экс-ле-Бен, которые находились вне зоны немецкой оккупации. П. Н. Ми-

люков старался пристально следить за всеми происходящими в Европе событиями. Осознавая невозможность возобновить журналистскую деятельность, он пытался заниматься научной работой, писал воспоминания о Московском университете. Ему сильно мешало отсутствие необходимых книг, журналов и газет, тем более, что его собственная библиотека осталась в Париже. Личной трагедией для П. Н. Милюкова стала весть о гибели в концлагере сотрудника «Последних новостей» А. М. Кулишера, печатавшегося под псевдонимом Юниус и обличавшего фашизм в своих статьях 1930-х гг.

Решительно отвергали возможность сотрудничества с нацистами и правительством Петена многие известные эмигранты: писатели И. А. Бунин и А. Ремизов, генерал А. И. Деникин, химик А. Е. Чичибабин, генетик С. Н. Виноградский и др.

Иван Бунин всю войну провел в своем доме в Грассе. Фашизм он ненавидел, а Гитлера и Муссолини называл «взбесившимися обезьянами». ⁷ Знаменитый химик, академик А. Е. Чичибабин тяжело пережил нападение Германии на СССР. Один из его французских учеников вспоминал, что Чичибабин всегда был уверен, «что немцы идут в Россию не для ее освобождения, а для порабощения и превращения в колонию». ⁸ Боль за Родину, находившуюся в смертельной опасности подорвала и без того слабое здоровье академика. Почти всю войну он тяжело болел и скончался 15 августа 1945 г. А. И. Деникин еще в начале 1930-х гг. заявлял о недопустимости соглашения эмигрантов с любыми врагами России. Генерал полагал, что освобождение от большевизма не может прийти извне. В мае 1940 г., видя обреченное положение Франции, А. И. Деникин вместе с семьей перебрался в безопасное место недалеко от Бордо. В июне 1941 г. нацисты на несколько дней арестовали жену генерала, но его самого не тронули, а напротив, предложили переехать в Берлин и начать сотрудничество с немецким командованием. А. И. Деникин заявил по этому поводу: «...Оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я [себя] считал всегда, считаю и ныне гражданином Российской империи...» ⁹

Падение Парижа в июне 1940 г. ознаменовало начало нового этапа борьбы за Францию, в который активно включилась масса русских эмигрантов. На первый взгляд, ничто в Париже не изменилось: «Все старались получше одеться, пошикарнее, подчас совсем броско и пестро; у большинства женщин были сапоги и туфли на деревянной подошве, и они, как кастаньетами, отбивали по улице шаг; театры,

кино – все было переполнено...» ¹⁰ Но был и другой город, в котором за ширмой показного веселья не прекращались аресты патриотов. В этом городе сражались, устраивали диверсии и саботаж, освистывали немецкие кинофильмы и военные хроники в полумраке кинотеатров.

Нельзя закрывать глаза на то, что среди эмигрантов нашлось немало лиц, еще до войны симпатизировавших Гитлеру. Среди них был, скажем, генерал Н. Н. Головин, крупный военный теоретик, возглавлявший Высшие военные курсы в Париже. Часто бывшие русские офицеры шли служить в немецкую армию от безысходности, нищеты. В 1944 г., после освобождения Франции, многие русские офицеры, сотрудничавшие с оккупантами, сдавались союзникам и заканчивали войну уже в качестве военнослужащих Иностранного легиона или американской армии. ¹¹

Уже в июне 1940 г. были предприняты первые меры против русской диаспоры Парижа. По приказу Розенберга была вывезена в Германию знаменитая Тургеневская библиотека. Арестам подверглись десятки эмигрантов. В день нападения на СССР 22 июня 1941 г. по приказу оккупационных властей были проведены повальные аресты среди русскоязычного населения французской столицы. Задержанные в ходе этих облав были заключены в Компьенский лагерь. Среди них оказались инженер И. А. Кривошеин, профессор-историк Д. М. Одинец, граф П. А. Бобринский, сын М. Кшесинской князь В. А. Романовский-Красинский, генерал Н. Л. Голеевский, бывший русский военный атташе в Вашингтоне, отец Константин (Замбрежицкий) и др., примерно около тысячи человек без различия возраста и политических взглядов. Большинство арестованных были отпущены через 7-8 месяцев, и только Н. Л. Голеевский через полтора года. ¹² Среди лиц, схваченных нацистами в Париже, оказался И. И. Бунаков-Фондаминский. Он отказался покинуть страну, хотя имел все возможности уехать. Бунаков вернулся из Ниццы в Париж, где вскоре был арестован и отправлен в концлагерь. В заключении он принял православие. И. И. Бунаков-Фондаминский окончил свою жизнь в Освенциме, по-христиански смиренно разделив трагическую участь большого числа своих соотечественников. Подобная судьба ожидала и его монпарнассских знакомых – поэтов Юрия Фельзена, Юрия Мандельштама, Раису Блох и Михаила Горлина.

Нацисты совместно с вишистской полицией произвели аресты русских и во французской провинции. В дисциплинарный лагерь Верне близ Тулузы были заключены многие эмигранты, среди которых

лидер «Союза младороссов» А. Казем-Бек, князь А. Путятин и др.¹³

Оккупационные власти пытались наладить учет всего русскоязычного населения Франции. Весной 1941 г. в Париже возникло Управление по делам русской эмиграции. Его главной задачей была обязательная регистрация всех эмигрантов, достигших 15-летнего возраста. Официально было заявлено, что все незарегистрированные лица будут находиться на положении граждан СССР, что грозило арестом и заключением. Во главе Управления встал Ю. С. Жеребков. С 1943 г. он оказывал поддержку генералу А. Власову, формировавшему отряды Русской Освободительной Армии, неоднократно встречался с ним, стал членом образованного в Праге Комитета освобождения народов России. Помощь генералу А. Власову в формировании его армии оказывал и полковник Н. В. Пятницкий, бывший помощником генерала Н. Н. Головина на Высших военных курсах в Париже.

Летом 1942 г. под редакцией П. Н. Богдановича начала выходить пронемецкая газета «Парижский вестник», которая стала единственной официально разрешенной русскоязычной газетой во Франции. Таким образом, оккупационные власти поставили русскую эмиграцию в жесткие правовые и информационные рамки.

С июня 1940 г. русские стали активными участниками подпольной борьбы на территории Франции. Едва ли не первыми из них были молодые ученые, сотрудники «Музея человека» в Париже Борис Вильде и Анатолий Левицкий.

Борис Владимирович Вильде родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге. После революции его семья переехала в Эстонию. В Тарту в 1926 г. Б. Вильде закончил Русскую гимназию и поступил в университет. Однажды Б. Вильде предпринял рискованную попытку нелегально пересечь советскую границу на лодке по Чудскому озеру, но был задержан пограничниками и возвращен в Тарту. За этот поступок Вильде был исключен из университета. В 22-ом году Б. Вильде решил бросить все и уехать в Германию. Жилось ему там нелегко, приходилось часто прибегать к случайным заработкам. Его жизнь коренным образом изменило знакомство с Андре Жидом, который предложил Вильде перебраться во Францию. Так в 1932 г. Борис Владимирович оказался в Париже.

В Сорбонне Б. Вильде встретился с очаровательной француженкой Ирэн, дочерью крупнейшего медиевиста Фердинанда Лота, в 1934 г. Ирэн становится его женой. Жизнь во французской столице без гражданства, без постоянной работы протекала непросто. Но та-

лант молодого русского эмигранта не остался незамеченным. Вильде познакомился с крупным этнологом, директором «Музея человека» Полем Риве, который привлек его к научной работе в отделе Арктики «Музея человека». Там Вильде подружился с Анатолием Левицким, русским эмигрантом, крупным исследователем шаманизма, будущим соратником по движению Сопротивления. В предвоенные годы Б. Вильде вместе с Л. Зуровым неоднократно совершал этнографические экспедиции в Эстонию и Финляндию.

В 1930-е гг. Борис Вильде сделался заметной фигурой в среде русского литературного Парижа. Друзья любили его за щедрость, за широту души. Но как непохож был он на многих собратьев по перу! Он был «измучен сознанием своей отверженности», «с ужасом чувствовал, что ему нету места в окружающем его чуждом и враждебном мире», «замыкался в своем недуге, в своих неизъяснимо-сладостных безумных мечтаниях о жизни и любви». ¹⁴ По воспоминаниям современников твердая воля и жажда к жизни уживались в нем с экзистенциалистским, трагическим мировоззрением. Он получил известность как незаурядный поэт, печатавшийся под псевдонимом «Дикой». В 1938 г. Вильде вступил в монпарнаасский «Круг», основанный И. И. Бунаковым-Фондаминским.

С началом войны Б. Вильде вступил во французскую армию. Его часть попала в окружение в Арденнах, сам он оказался в тюрьме, но вскоре чудом сумел бежать оттуда. Вильде вернулся в Париж и продолжил борьбу с нацистами уже в подполье. Он был «одним из тех, постоянно являвшихся в истории русского общества, беспокойных, волевых и смелых людей, которых влекла какая-то сила всюду, где борьба против угнетения и несправедливости, будь то революционное движение, война за освобождение славян или Трансвааль». ¹⁵

В августе-сентябре 1940 г. в «Музее человека» сложилась подпольная интернациональная антифашистская организация. Помимо русских эмигрантов Б. Вильде и А. Левицкого в нее вошли французы Жан Кассу, бывший директор Музея современного искусства, Клод Авелин, Пьер Вальтер, Жорж Итье, Андре Кюрель, Морис Нордман и др. Члены группы распространяли среди парижан листовки «Тридцать три совета оккупированным», расклеивали в телефонных будках, в уборных, даже на немецких автомобилях листовки со словами: «Мы все с генералом де Голлем!» ¹⁶ Б. Вильде наладил связь с подпольщиками в других районах Франции. Группа Музея фактически была первой крупной общепарижской подпольной организацией.

Среди первостепенных задач организации необходимо назвать сбор разведывательной информации, создание сети агентов, распространение листовок, организация побегов заключенных, спасение британских пилотов, сбитых в небе над Францией. И все же главной целью была антинацистская пропаганда. Немало французов примирилось с военной катастрофой и оккупацией. Действительно, поначалу нацисты не устраивали массовых облав, арестов, расстрелов, они не уничтожили французскую государственность, поддерживая правительство Виши, которое возглавил А.-Ф. Петен, пользовавшийся в обществе высокой репутацией победителя под Верденом.

Борьба делала необходимым создание постоянного печатного органа. В начале сентября 1940 г. родилась идея издавать антифашистскую газету. Именно Б. Вильде придумал название для газеты – «Resistance» («Сопrotивление»), которое впоследствии стало названием всего французского антифашистского движения. Первый номер газеты, подготовленный Б. Вильде и Ж. Кассу, вышел из печати 15 декабря 1940 г. На первой странице был опубликован призыв к читателям: «Сопrotивляться! Именно этот крик исходит из Ваших сердец повсюду... Это крик всех, кто не смирился, кто хочет выполнять свой долг». ¹⁷ Всего с конца 1940 г. по март 1941 гг. было напечатано пять номеров газеты.

Б. Вильде вел широкую подпольную работу по всей территории Франции. Нацисты в конце концов сумели установить слежку за членами группы. 12 февраля 1941 г. в «Музее человека» был произведен обыск, в ходе которого арестовали А. Левицкого и его невесту И. Оддон. Ж. Кассу, К. Авелину и нескольким другим подпольщикам удалось скрыться. Сам Б. Вильде находился в тот момент в Лионе. Обстоятельства вынудили его вернуться в Париж. 26 марта 1941 г. Б. Вильде был арестован на площади Пигаль. Всего по делу «Музея человека» было задержано 17 человек.

В тюрьме Б. Вильде вел себя стойко: учил санскрит, много писал, отредактировал свой дневник. 8 января 1942 г. начался закрытый процесс над обвиняемыми по делу «Музея Человека». Их мужество поразило даже нацистских палачей. 17 февраля был оглашен приговор: Б. Вильде, А. Левицкий и еще пятеро их соратников были приговорены к смерти, остальные к заключению в концлагере. Напрасно Б. Вильде просил суд помиловать совсем юного участника группы Рене Сенешаля, по прозвищу «мальчуган». Напрасно добивались помилования самого Б. Вильде члены Французской академии П. Валери,

Ж. Мориак, Ж. Дюамель. Вечером 23 февраля 1943 г. у расстрельной стены во дворе тюрьмы Френ была оборвана жизнь семерых героев. В последнем письме из тюрьмы Б. Вильде писал своей жене: «Я видел некоторых моих товарищей: они бодры. Это меня радует... Вечное солнце любви восходит из бездны смерти... Я готов, я иду». ¹⁸ 3 ноября 1943 г. находившийся в Алжире генерал де Голль посмертно наградил Б. Вильде и А. Левицкого медалью Сопrotивления. В приказе о награждении говорилось: «Будучи арестованными гестапо и приговоренными к смертной казни, явили своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения». ¹⁹

Многие молодые представители русской диаспоры сыграли видную роль в деле Сопrotивления. К. Радищев, студент Сорбонны, потомок А. Н. Радищева, участвовал в деятельности подпольной антифашистской ячейки. Нацисты арестовали его в 1943 г. и заключили в немецкий концлагерь, где молодой герой погиб в 1944 г. в возрасте 22 лет. Н. Мхитарянц-Мхитаров участвовал в важных разведывательных операциях. Он был арестован во время выполнения спецзадания и расстрелян в июле 1944 г. в возрасте 20 лет. В. С. Варшавский приводит такое свидетельство: перед казнью один из немецких офицеров, женатый на русской, спросил у Н. Мхитарянц-Мхитарова, не желает ли тот что-нибудь передать семье. В ответ он достал свою фотографию и написал:

Прежде, чем умереть, благодарю Господа!
Буду там молиться за семью.
Вы все – любящие меня – молитесь за меня.
Мужайтесь и надейтесь. ²⁰

Нужно иметь в виду, что еще до начала Второй мировой войны процент русских во французских вооруженных силах, особенно в Иностранном легионе, был высок. Они вместе с французами тяжело переживали военную катастрофу 1940 г., вместе освобождали Париж в августе 1944 г. Так, лейтенант 1-го кавалерийского полка Иностранного легиона В. Булюбаш геройски погиб осенью 1944 г. в Эльзасе во время атаки на немецкие позиции. В сентябре 1944 г. при наведении понтонного моста через Мозель погиб В. И. Рязанов. В ноябре 1944 г. в районе Монтрё-ле-Шато был убит 26-летний капрал Г. Зарубин, пытавшийся под непрерывным огнем противника продвинуться в глубь вражеских позиций. 18-летний боец армии генерала Ф. Леклерка

А. Болгов участвовал в освобождении Парижа и погиб в Баварии в мае 1945 г. за четыре дня до окончания войны.

Женщины-эмигрантки внесли огромный вклад в борьбу с нацизмом. Часто именно от них зависел исход тех или иных рискованных операций. Именно женщины, в основном, были связными, на них ложилась забота о раненых и бежавших из плена, они печатали антифашистские листовки. Врач Т. А. Волконская в составе партизанского отряда сражалась в Дордоне. Она оказывала помощь раненым, распространяла антифашистские листовки, а иногда и сама вынуждена была брать в руки оружие и участвовать в сражениях. В марте 1944 г. она была арестована нацистами, избита до полусмерти и брошена на обочине дороги. Лишь чудом ей удалось выжить, но и после этого она продолжала свою опасную работу.

В рядах «Союза русских патриотов» состояли С. Б. Долгова, А. Тарасевская, В. Кукарская, И. Сикчанская, Н. Ходасевич, И. Бухало, Р. Покровская, В. Шпенглер и др. Они участвовали в организации явочных пунктов и печатали газету «Русский патриот».

Княгиня З. А. Шаховская с 1940 г. находилась в санитарных войсках французской армии. В январе 1942 г. она при помощи друзей переехала в Англию, где в Лондоне работала редактором Французского информационного агентства. Известная парижская красавица Г. К. Хагондокова (в замужестве графиня Ирен де Люар) в годы войны руководила передвижным военным госпиталем, вместе с которым прошла боевыми дорогами по Северной Африке и Италии. Ариадна Николаевна Скрябина (Сарра Кнут), дочь великого композитора, вместе с мужем, известным поэтом Довидом Кнутом, участвовала в подпольной организации, оказывавшей помощь евреям. Задачей их группы была переправка евреев за пределы Франции. Однажды во время очередной операции 22 июля 1944 г. А. Н. Скрябина попала в засаду и была убита полицией на улице Тулузы. За героизм и самоотверженность она посмертно награждена Военным крестом и медалью Сопротивления.

Каждому французскому человеку известно имя русской поэтессы Анны Смирновой-Марли. Ребенком ее привезли из России во Францию, где она выросла, глубоко впитав в себя культуру приютившей ее страны. В 1930-е годы Анна начала выступать в известном парижском кабаре «Шехерезада», она исполняла под гитару песни собственного сочинения. В 1940 г. А. Марли оказалась в Лондоне, где в тот момент начиналось вещание французского радио. Она сочинила и исполнила несколько патриотических песен. Зимой 1942 г., восхищенная мужеством сво-

их соотечественников, ведущих на Восточном фронте борьбу с врагом, она написала в их честь «Марш партизан». Вскоре Жозеф Кессель и Морис Дрюон предложили для него французский текст («Chant de partisans»). В новом варианте песня была впервые исполнена на Би-Би-Си, чуть позже она стала гимном французского Сопротивления.

Историю русского участия во французском Сопротивлении невозможно представить без княгини Веры (Вики) Аполлоновны Оболенской (урожденной Макаровой). Она родилась в Москве в 1911 г., а после революции оказалась во Франции. Вряд ли она помнила Россию. Несмотря на это, современники, говоря о ней, отмечали: «Первое, что думалось, глядя на Вики: ‘Какое милое русское лицо’ – ясные, светлые смеющиеся глаза, мягкие черты лица, что-то такое свое, дорогое, близкое. А потом, после ближайшего знакомства, открывалось и другое: ее сильная, горячая любовь к жизни, ее ум, ее доброта. В ней была ширь во всем. Способна она была ко всему чисто по-русски; схватывала на лету; читала много, разбросанно, но с любовью и чутьем. Любила много выезжать, танцевать, веселиться; искала смеха, радости, – брала жизнь легко и беззаботно».²¹ В. А. Оболенская не задумываясь включилась в дело Сопротивления. В августе 1940 г. В. А. Оболенская стала личным секретарем Жака Артюиса, создателя «Подпольной организации ОСМ» («Reseau Organisation Civile et Militaire»), которая доставляла в Лондон сведения о расположении немецких войск, группировала партизанские отряды, формировала будущий гражданский аппарат власти для генерала Ш. де Голля. В декабре 1941 г. Артюис был схвачен нацистами, В. А. Оболенская уцелела. Она продолжила работу, служила связной, хранила у себя на квартире на улице Кассет архив подпольной организации, переправляла в Лондон планы местности для дальнейшей разработки схем высадки союзников, перепечатывала приказы руководства Сопротивления, копии секретных документов, тайно добытых агентами. 17 декабря 1943 г. В. А. Оболенская была арестована на конспиративной квартире вместе со своей соратницей С. В. Носович. Двух мужественных женщин ожидали многочасовые пытки в гестапо, а затем отправка в тюрьму Френ. Но и в заключении В. А. Оболенской удавалось не терять присутствия духа. Она брала у заключенной австрийки уроки немецкого языка, а сама обучала ее русскому. Нацисты пытались склонить княгиню к сотрудничеству. На это она неизменно отвечала им: «Я – русская, жила всю свою жизнь во Франции; не хочу изменять ни своей родине, ни стране, приютившей меня».²² Она не выдала ни-

кого из своих соратников. Пораженные ее мужеством нацисты прозвали Оболенскую «Княгиня Ничего-не-знаю» (Prinzessin ich-Weiss-Nicht). Весной 1944 г. В. А. Оболенскую перевели в тюрьму Арраса, а в июне – в Германию. 4 августа 1944 г. в Берлине ее жизнь трагически оборвалась: по приговору суда она была обезглавлена. Образ В. А. Оболенской служил примером для современников. Недаром в приказе о награждении фельдмаршал Монтгомери писал о ней: «Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными Верой Оболенской, которая в качестве добровольца отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной (6 мая 1946 г.)».²³

Широкую известность приобрела легендарная участница Сопротивления Елизавета Юрьевна Скобцова (урожденная Пиленко, в первом замужестве – Кузьмина-Караваева), более известная под именем матери Марии. Елизавета Пиленко входила в «Цех поэтов», посещала «Башню» Вячеслава Иванова, была знакома с А. Ахматовой, Н. Гумилевым, А. Белым, В. Брюсовым. Особо теплые отношения связывали ее с А. Блоком, он посвятил ей знаменитое стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...» Собственная ее книга стихов «Скифские черепки» вышла еще в 1912 г. в Петербурге. В 1919 г. Е. Ю. Скобцова эмигрировала, несколько раз меняла место жительства – Болгария, Сербия и лишь с 1923 г. – Париж. Во французской столице у нее установились теплые дружеские отношения с Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотовым, К. В. Мочульским. Е. Ю. Скобцова активно публиковала свои исследовательские работы (иногда под псевдонимом Юрий Данилов) о Ф. М. Достоевском, А. С. Хомякове, В. С. Соловьеве. В 1932 г. Е. Ю. Скобцова приняла постриг. В 1935 г. ее подвижническим трудом было создано общество «Православное дело», которое было призвано оказывать помощь всем нуждающимся русским эмигрантам. Для этого мать Мария выкупила здание бывших конюшен на улице Лурмель и обустроила там благотворительную столовую и общежитие.

С момента оккупации Франции ее дом на улице Лурмель превратился в очаг Сопротивления. Осенью 1941 г. мать Мария создала «Комитет помощи заключенным лагеря Компьень». В его состав вошли И. А. Кривошеин, отец Дмитрий (Клепинин), О. А. Игнатьева, С. Ф. Штерн, С. В. Медведева, Л. Б. Савинков и др. Члены Комитета собирали продуктовые посылки и на машине французского Красного Креста, выхлопотанной матерью Марией, регулярно привозили их заключенным в Компьенский лагерь. В своем доме мать Мария установила радиоприемник и следила за сводками из Лондона и Москвы.

На огромной карте России она флажками отмечала продвижение Красной Армии. Мать Мария ни на минуту не сомневалась в грядущей победе над нацизмом. Как-то раз она пророчески заявила: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет ‘русский период’ истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее. Но какой океан крови».²⁴

В июне 1942 г. оккупационные власти ужесточили правила проживания евреев во Франции. Всем им было предписано носить желтую шестиконечную звезду с надписью «Juif». Угроза быть отправленными в концлагерь нависла над тысячами людей.

Мать Мария помогала раздобыть фальшивые документы и бежать из страны, отец Дмитрий выписывал справки о крещении. В доме матери Марии, и так до отказа заполненном престарелыми и больными эмигрантами, скопилось теперь и масса евреев. Гитлер предлагал в кратчайшие сроки покончить с «еврейским вопросом» во Франции. Только в одном Париже в ночь на 16 июля 1942 г. был назначен арест 28 тыс. евреев. Членам Комитета удалось узнать об этом и предупредить многих о надвигающейся облаве. Благодаря работе подпольщиков, в том числе и работе «Комитета», оккупационные власти арестовали на 15 тыс. человек меньше.²⁵ Все задержанные были размещены на зимнем стадионе на улице Гренель. Мать Мария и Ф. Т. Пьянов договорились с охраной и провезли для арестантов партию продуктов. Самой матери Марии удалось тайно вывезти со стадиона в мусорных баках нескольких детей.

Гестапо не могло не обратить внимания на действия подозрительной монахини, да к тому же русской. 9 февраля 1943 г. был произведен обыск в здании на улице Лурмель, в ходе которого был взят в заложники сын матери Марии Юра Скобцов. На следующий день в гестапо явилась она сама, надеясь, что взамен нацисты освободят сына. Но этого не последовало. С 9 по 16 февраля 1943 г. были арестованы многие сотрудники «Комитета» – отец Дмитрий (Клепинин), Ф. Т. Пьянов, Ю. П. Казачкин и др.

Мать Марию направили в форт Роменвиль, затем – в Компьенский лагерь, где она в апреле 1943 г. в последний раз смогла увидеть сына. Юра Скобцов и отец Дмитрий (Клепинин) погибли в феврале 1944 г. в Бухенвальде. Последние два года жизни самой матери Марии прошли в концлагере Равенсбрюк. С. В. Носович вспоминала, как поразила стойкости этой женщины во время встречи с ней в 1944 г.

Она описала случай, как однажды во время переключки мать Мария разговаривала с одной из девушек и не заметила произнесшей ее имя эсесовки: «Та грубо окликнула ее и стегнула со всей силой ремнем по лицу. Матушка, будто не замечая этого, спокойно докончила начатую по-русски фразу. Взбешенная эсесовка набросилась на нее и сыпала удары ремнем по лицу, а та ее даже взглядом не удостоила».²⁶ Мать Мария регулярно приходила к баракам, где содержались заключенные из СССР, подбадривала и утешала, «отдавала... свой кусок хлеба той, которую считала слабее себя, относилась сюда последнюю ложку супа, последний кусочек хлеба».²⁷ Доподлинно неизвестны обстоятельства гибели матери Марии. По одной из версий, в конце марта 1945 г. по лагерю разнесся слух, что нацисты готовят казнь группы женщин из русского блока. Мать Мария немедленно побежала к их баракам и уго-ворила одну из молодых женщин, с которой успела подружиться во время заключения, обменяться номерными куртками, мать Мария пошла в газовую камеру вместо нее, приняв мученическую смерть.

Силой слова и дела мать Мария умела вселять надежду в отчаявшихся, в трудную минуту оказывать помощь тем, кто в ней нуждался. Ее облик очень тонко запечатлела Н. А. Кривошеина, описавшая разговор с матерью Марией в доме на улице Лурмель: «Я сидела и слушала ее... и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!.. А вот в памяти от этих минут осталось только ее лицо – лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал, и сияющие сквозь дешевенькие металлические очки, незабываемые глаза».²⁸ В 2004 г. мать Мария и ее верные друзья и соратники – сын Юра Скобцов, отец Дмитрий (Клепинин), протоиерей А. Медведков, И. И. Бунаков-Фондаминский – были канонизированы решением Священного Синода Константинопольского патриархата.

В тесном сотрудничестве с матерью Марией работал инженер Игорь Александрович Кривошеин. Выйдя на свободу из Компьенского лагеря, куда его заключили 22 июня 1941 г., он быстро включился в антифашистскую борьбу. Связь с другими подпольными организациями он поддерживал через своего брата К. Кривошеина, состоявшего в южнофранцузском «Объединенном движении Сопротивления» («Mouvements Unis de la Résistance»), а также математика В. А. Костицина и М. Пренана. И. А. Кривошеин выполнял ответственные поручения, в том числе собирал сведения для подготовки Парижского восстания. Много ценных сведений он получал от своих соотечественников,

входивших в «Дурданскую группу» и «Союз русских патриотов». Но в июне 1944 г. И. А. Кривошеин был схвачен гестапо и отправлен в Бухенвальд, откуда вернулся уже после окончания войны.

Интересна судьба А. М. Агафонова, выпускника медицинского факультета Белградского университета. Он добровольцем пошел в югославскую армию, когда немцы начали наступление на Балканах, попал в плен, сумел бежать и оказался во Франции. Он познакомился с матерью Марией и В. А. Оболенской. По заданию одной из групп Сопротивления он был послан в город Ла Боль для сбора сведений о строительстве нацистами Атлантического вала, но был схвачен и отправлен в Бухенвальд. А. М. Агафонов сумел бежать из лагеря, а затем организовал партизанский отряд и подготовил в ноябре 1944 г. убийство начальника кельнского гестапо М. Хоффмана.²⁹

В годы войны русские эмигранты рука об руку сражались вместе с французами. Но были случаи, когда организации полностью состояли из эмигрантов. Остановимся на самых ярких примерах. Эмигрантская антифашистская группа в городе Дурдан начала складываться в 1941 г. Создателем и вдохновителем был работавший на одной из французских мельниц инженер А. А. Угримов. Ее основу составили друзья и коллеги Угримова: В. Ф. Шашелев, В. А. Попандопуло, Б. Во-лынцев, Г. Отфиновский, а также француз Раймон Кальвель. Долгое время группа Угримова вынуждена была действовать изолированно. А в 1942 г. нацисты нанесли серьезный удар по дурданскому подполью, арестовав многих французских патриотов. В самом городе разместили воинский гарнизон.

Но и в этих сложных условиях А. А. Угримову и его соратникам удавалось вести успешную работу. Члены группы помогали бежать заключенным из нацистского плена, снабжали их необходимой провизией и фальшивыми документами. Они также помогали доставать хлебные карточки тем лицам, которые по разным причинам были их лишены. Сам Угримов вспоминал об этом: «Фермеры доставляли на мельницу лишнее зерно за деньги или за белую муку и манную крупу. Излишки муки привозились шоферами мельницы к тем булочникам, с которыми у них были хорошие отношения. Булочники оплачивали муку в размере цены на соответствующее количество зерна и, кроме того, давали хлебные купоны, сданные им населением, в размере около 50% веса муки. Таким образом, получался оборот зерно-мука-зерно плюс большое количество бесплатных купонов, которыми можно было пользоваться в течение текущего месяца».³⁰ Члены груп-

пы укрывали сбитых английских, американских и канадских летчиков, помогали им переправляться через границу. Медицинскую помощь нуждающимся оказывала русский врач из Сен-Женевьев Э. Н. Бакунина. К 1943 г. география деятельности группы была расширена. В самом Дурдане постоянно находилась только семья Угримовых, остальные подпольщики жили в близлежащих районах. Существовало отделение группы в Париже, возглавляемое В. Ф. Шашелевым, которое поддерживало тесную связь с матерью Марией. Ценные сведения Угримову регулярно сообщал его друг И. А. Кривошеин. В начале 1943 г. ценой больших усилий А. А. Угримову удалось войти в контакты с французскими подпольщиками. «Дурданская группа» вошла в состав ФФК («Forces Françaises Combattantes»). Теперь ее задачи расширились.

Район Дурдана, лежавшего всего в 45 километрах от Парижа, имел важное стратегическое значение: равнинная местность позволяла высадку парашютных десантов. Союзники планировали провести здесь крупную воздушнодесантную операцию. Помощь в ее подготовке легла на плечи русских и французских подпольщиков. Решено было создать недалеко от Дурдана крупные партизанские соединения. Одно из них возглавил французский автогонщик Альберт Бенуа (Лионель). В начале 1944 г. партизаны получили первую партию оружия, сброшенную союзниками на парашютах. Но в конце июня 1944 г. Лионель был схвачен гестапо и вскоре казнен в Бухенвальде.³¹ Последовали и другие аресты. Угримову и еще пятерым членам удалось скрыться. Они продолжили борьбу и уже к концу 1944 г. принимали участие в освобождении Дурдана.

Заметный след в истории движения Сопротивления оставил «Союз русских патриотов». Отличительной особенностью этой организации было то, что ее члены находились под сильным влиянием левых социалистических идей. Многие из них еще недавно, во время Гражданской войны в Испании, сражались на стороне республиканцев. К слову, представители социалистических и коммунистических организаций, в том числе Французской коммунистической партии, внесли немалый вклад в дело Сопротивления (скажем, отряды FTP – «Francs-Tireurs et Partisans»). Важную роль в этом движении играла и католическая церковь. Но зона активной деятельности коммунистической партии, как правило, ограничивалась промышленными районами Франции. Кроме того, ее члены в целом с недоверием относились к русским эмигрантам, видя в них политических оппонентов, что часто затрудняло сотрудничество в борьбе с общим врагом.

Лидером «Союза русских патриотов» был бывший боец Интербригады Г. В. Шибанов. Осенью 1943 г. вокруг него сформировалась группа единомышленников (А. Кочетков, Н. Роллер, Д. Смирягин, Г. Клименюк, И. Михневич, Н. Миронов, Ф. Сафронов, П. Пелехин и др.), которая через полковника Гастона Лароша установила контакты с французскими подпольщиками. На организационном собрании в Париже в октябре 1943 г. были намечены основные направления деятельности группы: издание листовок и газеты «Русский патриот» (с осени 1943 г.), оказание помощи военнопленным, организация их побегов, формирование из них отдельных партизанских отрядов, пропаганда среди солдат «национальных легионов» и формирований Русской Освободительной Армии. Сформировались отделения «Союза русских патриотов» в самом Париже, а также в Пти Клаамаре, Шавиле, Леваллуа. Особая группа действовала в Лионе. Всего в сеть организации было вовлечено около 120 человек.³²

Первый номер газеты «Русский патриот» вышел в свет уже в ноябре 1943 г. Издатели отмечали: «Мы подчеркиваем прежде всего, что ‘Союз русских патриотов’ есть... организация русских, проживающих за рубежом, объединившихся на основании патриотизма и любви к родине для оказания всемерной помощи своему народу, своей стране».³³ Всего за годы оккупации вышло 13 номеров газеты под редакцией М. М. Бренштета и А. С. Сизова с регулярностью 2 раза в месяц тиражом 300–500 экземпляров. В создании материалов принимали участие Н. В. Борисов, Д. М. Одинец, Н. С. Качва, А. П. Рослов, Н. Я. Рошин, М. А. Струве. Несколько первых номеров печатали в пригороде Парижа на ротаторе (Н. Н. Роллер, Д. Смирягин, Б. А. Савицкий).³⁴

С начала 1944 г. новой задачей «Союза русских патриотов» стало участие в формировании партизанских отрядов из бывших военнопленных в Руайя, Лилле, Бретани, Лионе и Сент-Этьене. Особая ставка делалась на военнослужащих Красной Армии, взятых в плен на Восточном фронте и оказавшихся во Франции. Работу с ними, в частности, вел знаменитый писатель Гайто Газданов со своей женой Фаиной. Он редактировал подпольную газету, издававшуюся бежавшими военнопленными.³⁵ Среди членов «Союза русских патриотов» прославился И. И. Троян, который вместе с В. К. Таскиным вел подпольную работу в Нанси, организовывал побеги из нацистских тюремных застенков и лагерей. В начале 1944 г. в Тиле И. И. Троян был арестован гестапо и погиб в заключении.³⁶

На юге Франции чисто русских групп Сопротивления не сложи-

лось. Это объясняется изначальным рассеянием эмигрантов в этом регионе. Поэтому те из них, кто участвовал в подпольной борьбе, как правило, входили во французские антифашистские организации. В июне 1941 г. в группу, возглавляемую болгаринем И. Моновым, вступили Г. Б. Шеметило и его жена. Ее участники собирали сведения о сооружаемых нацистами укреплениях на южном побережье и о дислокации войск, следили за сводками «Свободной Франции» и распространяли их среди населения, помогали бежавшим военнопленным. В феврале 1944 г. руководство группы было арестовано. Г. Б. Шметило вместе с женой удалось скрыться. Они перебрались сначала в Клермон-Ферран, а затем в Лион, где продолжили опасную работу.

В Лионе русский эмигрант А. Шапошников успешно вел пропаганду в формированиях Русской Освободительной Армии ген. А. Власова. Но в июле 1944 г. с большой группой подпольщиков он был схвачен гестапо в Сан-Женис-Лаваль и после допросов 17 июля 1944 г. вместе со 140 соратниками был заперт в заброшенном доме и взорван.

Н. Захаров вместе с женой оказывал помощь советским военнопленным в департаменте Рона, пока не был схвачен в 1944 г. фашистами и отправлен в Бухенвальд, откуда вернулся после освобождения тяжело больным. Г. Маковский руководил одной из групп Сопротивления в Ницце. В июле 1943 г. при попытке ареста он покончил жизнь самоубийством. В департаменте Верхняя Савойя одним из руководителей подпольной борьбы был М. М. Штранге, впоследствии известный историк. Во французском отряде «Свобода» («Liberté») сражался П. Зиссерман, бежавший из концлагеря в бельгийском Малине в Швейцарию и затем оттуда тайно переправившийся в Савойю. 23 октября 1943 г. он погиб, прикрывая отход своего отряда от карательной группы СС. Среди других участников Сопротивления на юге Франции необходимо назвать Г. Алпатова, О. Качву, А. Марченко, З. А. Юдовина, А. В. Кожевникова и др.

Русские эмигранты прославились своим участием в движении «Свободная Франция» («La France Libre»). 18 июня 1940 г. находившийся в Лондоне Шарль де Голль обратился с воззванием, в котором подчеркивал, что «абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления». ³⁷ Призыв тогда еще мало кому известного генерала был услышан по всему миру; на него откликнулось множество людей. Процент иностранцев в войсках «Свободной Франции» («Forces Françaises Libres») был высок: «Так, в первой ‘тысяче’ войск генерала де Голля, отправленной под

командой генерала Монклара в Дакар, затем в Экваториальную Африку, а оттуда в Судан и Абиссинию, было более половины иностранцев, среди которых немало и русских». ³⁸

Среди первых добровольцев был Н. В. Вырубов. Будучи в 1940 г. студентом Оксфордского университета, он пытался попасть в британскую армию, но из-за отсутствия английского подданства получил отказ. Тогда он решил вступить в войска «Свободной Франции». Н. В. Вырубов стал участником многих военных кампаний, был тяжело ранен и награжден за свои подвиги высокими французскими наградами.

Под знаменами армии де Голля немало эмигрантов прошло славный боевой путь от Северной Африки до Парижа; «могилы русских людей, павших на поле брани, разбросаны по всему боевому пути этих войск: Абиссинии, Сирии, Египту, Ливии, Тунису, Италии, Франции». ³⁹ Многие из них в составе войск «Свободной Франции» освобождали африканский континент. ⁴⁰ Широкую известность получил князь Д. Амилахвари, воевавший в рядах 1-ой дивизии войск «Свободной Франции», получивший прозвище «легендарного героя». Он родился в Грузии в 1906 г., а после революции оказался во Франции, здесь он получил блестящее военное образование. Во время кампании в Северной Африке Д. Амилахвари не раз героически проявил себя. На африканской земле под Эль-Аламейном он и принял свой последний бой в 1942 г.

В составе армии Шарля де Голля русские принимали участие в освобождении Франции. Немало полегло их во время сражений. Прямой потомок Е. И. Пугачева, танкист П. А. Дураков сражался под командованием генерала Ф. Леклерка и погиб при освобождении Тулона. В 1944 г. в Вогезах погиб И. Зубов, вступивший в ряды французской армии в самом начале войны. В сражениях за город Друммон в ноябре 1944 г. был убит лейтенант Н. М. Расловлев, служивший во французской армии еще с 1935 г.

Активное участие приняли эмигранты в Парижском восстании в августе 1944 г. Члены «Союза русских патриотов» вели сражение в районе Сената и освободили здание посольства СССР. Во время выполнения спецзадания в районе Аустерлицкого вокзала погиб журналист Ю. Дориомедов и его жена Г. Ретько. В. Рыгалов, доставлявший из Нормандии оружие для восставшего Парижа, был схвачен немцами и расстрелян. В уличных боях погибли А. Карновский, прошедший со 2-ой дивизией генерала Ф. Леклерка от Чада до французской

столицы, И. Дембаров и др. После освобождения города, когда Шарль де Голль торжественно шагнул от Триумфальной арки к Собору Парижской Богоматери, русский полковник французской армии Николай Румянцев командовал войсками, освобождавшими северные пригороды Парижа от засевших там нацистов.⁴¹

На отдельных территориях Франции боевые действия продолжались вплоть до мая 1945 г. Одним из очагов упорного сопротивления фашистов стал небольшой, но стратегически важный остров Олерон в Бискайском заливе. Первые эмигранты появились здесь в 1922 г., однако русская колония на острове так и осталась малочисленной. С началом Второй мировой войны ее члены включились в борьбу с нацизмом. А когда на острове появились первые советские военнопленные, которых немцы привезли для сооружения укреплений и для обслуживания артиллерийских батарей, эмигранты установили с ними тесный контакт. Возможно, доверительным отношениям между ними способствовало то, что все жившие на острове русские были социалистами (к слову сказать, на острове в 1940-е гг. находилась жена лидера эсеров В. М. Чернова О. Колбасина-Чернова и их родственники).

Особую роль в олеронском Сопротивлении сыграли В. Б. Сосинский, В. Л. Андреев, сын известного писателя, А. А. Ранета. Сосинский установил связь между русскими подпольщиками и французскими партизанами на континенте. Целью группы было проведение диверсий на немецких военных объектах, а также сбор сведений для подготовки операции по освобождению острова. Крупнейшей диверсией стал взрыв военнопленными немецких оружейных складов в Ла-Перрош 24 ноября 1944 г. В ответ нацисты в декабре произвели повальные аресты всех подозрительных, среди которых оказались и русские эмигранты В. Л. Андреев и А. А. Ранета. Их перевезли с острова на материк в тюрьму Боярдвиль. Только В. Б. Сосинский сумел избежать ареста. В январе 1945 г. немцы дополнительно депортировали на материк в Ля Рошель всех тех, кого подозревали в сотрудничестве с партизанами. Но вопрос об освобождении Олерона уже был решен, и в конце апреля нацисты были полностью изгнаны оттуда. Без всяких сомнений можно сказать, что русские эмигранты внесли в эту победу свой большой вклад.

Вторая мировая война перевернула жизнь русской эмиграции. В результате войны прекратили существование видные издания («Последние новости», «Современные записки», «Возрождение» и др.), политические партии («Союз младороссов» и др.), навсегда покинули

Францию видные политические и культурные деятели, в Сопротивлении многие погибли, на сцену вышло новое поколение русских иммигрантов. Одним из главных последствий Второй мировой войны для русской эмиграции стало прекращение ведущей роли Франции как культурного и политического центра Зарубежной России. Блистательный «русский Париж» прекратил существование. Его роль перешла теперь к Нью-Йорку.

Саратов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орлова О. М. Гайто Газданов. М., 2003, с. 214.
2. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992, с. 313-314.
3. Вишняк М. В. Годы эмиграции. 1919–1969. Stanford, 1970, с. 116.
4. Любимов Л. Д. На чужбине. М., 1963, с. 305.
5. Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999, с. 119.
6. Вишняк М. В. Указ. соч., с. 118.
7. Седых А. Далекие, близкие. М., 2003, с. 190-191, 198; Рошин М. М. Иван Бунин. М., 2000, с. 205, 306.
8. Цит. по: Волков В. А. Опальный академик Чичибабин. Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001, с. 188.
9. Черкасов-Георгиевский В. Генерал-писатель. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 2003, с. 11.
10. Кривошеина Н. А. Указ. соч., с. 140-141.
11. «Трудно быть русским во Франции!». Беседа с Константином Мельником. «Русская мысль», 2001, № 4356.
12. Кривошеин И. А. Так нам велело сердце. См.: Против общего врага. М., 1972, с. 268-269; Кривошеина Н. А. Указ. соч., с. 133.
13. Menegaldo H. Les russes dans le Sud-Ouest de la France. Slavica Occitania. Toulouse, 1998. № 7, p. 166.
14. Варшавский В. С. Борис Вильде. См.: Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947, № 2, с. 10-11.
15. Там же, с. 9-15.
16. Сосинский В. Вильде – Левицкий (Дело «Музея человека»). Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947, № 2, с. 4-9.
17. Résistance. Paris, 1940, № 1, 15 décembre.
18. Последнее письмо Бориса Вильде к жене. Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2, с. 15-16; Любимов Л. Д. Указ. соч., с. 338.

19. Варшавский В. С. Борис Вильде.... с. 9; Незамеченное поколение.... с. 330.
20. Там же, с. 319.
21. Носович С. В. Вики Оболенская. Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2, с. 36-37.
22. Сухомлин В. Указ. соч., с. 121; Варшавский В. С. Незамеченное поколение...., с. 348.
23. Носович С. В. Вики Оболенская...., с. 38; Варшавский В. С. Незамеченное поколение...., с. 344.
24. Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1980, с. 150.
25. Эту цифру назвал в своих воспоминаниях соратник матери Марии И. А. Кривошеин, хотя подтвердить или опровергнуть ее пока не представляется возможным. См.: Кривошеин И. А. Указ. соч., с. 271.
26. Носович С. В. Встреча с матерью Марией в лагере Равенсбрюк. Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2, с. 48.
27. Тверитинова А. Форт Роменвиль. Звезда. 1960. № 4, с. 131.
28. Кривошеина Н. А. Указ. соч., с. 139.
29. Коваленко Ю. Последняя остановка перед раем. Саратовские вести. Саратов, 2001. № 8 (2584).
30. Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004, с. 556.
31. Кривошеин И. А. Указ. соч., с. 280.
32. Laroche G. On les nommait des etrangers... (Les immigrés dans la Résistance). Paris, 1965, p. 243.
33. Русский патриот. 1943, 7 ноября, № 1.
34. Кривошеин И. А. Указ. соч., с. 282.
35. Орлова О. М. Указ. соч., с. 232-233.
36. Кривошеин И. А. Указ. соч., с. 280-285; Тихонова З. Н. Иван Троян – герой Французского Сопротивления. Вопросы истории. 1966, № 11, с. 151-155.
37. Голль Шарль, де. Военные мемуары: Призыв. 1940–1942 годы. М., 1957, с. 331-333.
38. Алексинский В. Несколько слов о русских добровольцах в рядах войск Свободной Франции. Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002, с. 91.
39. Там же.
40. Список русских, принимавших участие в рядах «Свободной Франции» в освобождении Северной Африки, был составлен и опубликован В. Хохловой. См.: Хохлова В. Опаленные войной. Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002, с. 185-193.
41. Алексинский В. Указ. соч., с. 92.

Владимир Янцен

Сколько стоит наследие российской эмиграции?

Толпа покупает себе признанием великих
право их незнания, мстит слишком благородным
врагам своим могильною плитою
в академическом Пантеоне, забвением в славе.
Д. Мережковский

Ценность культурного наследия эмиграции осознана в России недавно, и структур, систематически и эффективно занимавшихся бы проблемой его возврата на родину, пока еще очень мало. Не вдаваясь в сложные теоретические размышления о мировом значении этого наследия, будем исходить из той простой и неоспоримой мысли, что каждое государство в определенный отрезок своего существования порождает ограниченное число культурных деятелей высшего ранга, своего рода «культурной и интеллектуальной элиты». И каждое государство обычно заинтересовано в сохранении, изучении и пропаганде своего культурного наследия, так как от степени его освоенности зависит культурный уровень будущих поколений, а его утрата неизбежно ведет к возникновению пробелов в национальной памяти, понижению уровня отечественной культуры и считается ее трагедией.

По известным причинам значительная часть культурной и интеллектуальной элиты народов России вынуждена была после 1917 года навсегда покинуть родину и продолжать свою творческую деятельность за ее пределами. Центры, пути движения, основные имена российской эмиграции сегодня хорошо известны. Менее известны места хранения и степень сохранности ее наследия. Ведь довольно значительная часть архивов все еще находится в частных руках: у родственников, доверенных лиц или коллекционеров. Не менее значительная часть хранится в муниципальных, городских и университетских западных архивах временно, то есть с условием «возврата в